

УДК 130.2

doi 10.18101/1994-0866-2016-3-68-75

**«РОССИЙСКИЙ КРИЗИС» В КОНТЕКСТЕ
ПОСТСОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В МИРЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЫХОДА
РОССИИ ИЗ КРИЗИСА**

© *Урбанаева Евгения Геннадьевна*, старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы,
Иркутский национальный исследовательский технический университет
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
E-mail: urbanaeva@mail.ru

Данная статья посвящена раскрытию аксиологических характеристик российского кризиса, их сходства с ценностной деформацией мира Запада, а также проблеме создания ценностного контрбаланса, распаду оснований культуры, универсалий русского духа как конечной причины социальных язв. Раскол в русской культуре, масштаб которого таков, что даже дает основание говорить о наличии «двух Россий», или «двух цивилизаций» в России, усвоение лучших достижений русского национального духа и духовных универсалий всех народов России, как и духовного опыта Востока и Запада, свободного как от некритического подражания Западу, так и от предвзятости по отношению к Востоку, движение от «русского» (национального) сознания к российскому сознанию являются условием и основой для формирования собственной российской стратегии глобализации.

Ключевые слова: культурная катастрофа, универсалии ценностной предметности, рефлексивная политика, индивидуализированное общество.

Под российским кризисом подразумевается системный кризис — духовный, экономический и социокультурный, возникший в 90-х гг. в силу внутренних и внешних причин. Попытки определения причин и характера данного кризиса и различные варианты самоопределения общественного сознания России в ситуации кризиса также отражают сущность данного кризиса, прежде всего духовного и социокультурного, разразившегося в мировой ситуации «глобального кризиса», или кризиса «миросистемы» (Валлерштейн).

Данные конкретных социологических исследований, проведенных ведущими социологическими коллективами в 90-е гг., позволяют отразить ряд аксиологических характеристик российского кризиса в этот период. Эти исследования свидетельствуют о том, что резко возрос иррационализм общественной жизни. Вместо идеологически жестко фиксированных ценностных ориентаций в массовом сознании стали доминировать краткосрочные ценностные ориентации — выжить, сохранить статус, получить немедленный выигрыш и др. Это следует расценивать как выражение незащищенности человека перед общественными переменами в той кризисной ситуации неопределенности, в которой он вынужден жить. Но в этом также можно увидеть симптом негативных ценностных изменений, которые являются не специфическими для России, а общими для постсовременной цивилизации. Эти признаки указывают на зарождающееся в России, но уже хорошо известное запад-

ным социологам индивидуализированное общество, которое не производит человеческую индивидуальность. Это общество обособленных, но сходных между собой индивидов, ушедших в частную жизнь. Это тип человека, который современный английский социолог З. Бауман называет «негативным»: тот отцепившийся от социальной ткани, от мысли о «другом», лишенный чувства солидарности и ответственности индивид, который ставит только краткосрочные задачи [1]. Вообще *краткосрочность, отсутствие стратегических целей* характерны в постсовременную эпоху «и для экономики, и для обществ, и для индивидов», как показывает анализ факторов ценностных изменений на Западе и в России, проведенный В. Г. Федотовой [5].

Те изменения массового сознания в России, которые были зафиксированы в 90-е гг. в социологических исследованиях Н. И. Лапина, А. Г. Здравомыслова, Ю. А. Левады, Б. А. Грушина и других ученых, позволяют утверждать, что российский кризис 90-х гг. обнаруживает некоторые тенденции, являющиеся по ряду параметров характерными для кризиса постсовременной цивилизации в целом.

Мировой исторический опыт обнаруживает общецивилизационную закономерность: постановка проблемы ценностей обостряется в сложные, переломные эпохи. Рефлексия о выборе пути развития России — это фундаментальный ценностный анализ, и он имеет основополагающее значение для всех сфер общественной жизни. Постановка проблемы ценностей имеет в особенности большое значение с точки зрения факторов формирования нового поколения. И с этой точки зрения сущность самого этого перехода к «модернистской системе ценностей» нуждается в аксиологическом осмыслении. Для ценностного состояния российского общества конца XX в. показательны «ценностный нигилизм, цинизм, метание от одних ценностей к другим, экзистенциальный вакуум и многие другие симптомы социальной патологии, возникающей на почве перелома ценностной основы, смыслового голодания и вывиха мировоззрения» [2].

Происходящие в нынешней России ценностные процессы испытывают воздействие как со стороны внутренних, так и внешних для России факторов. Среди внешних факторов, оказывающих влияние на сознание россиян, выделим систему и иерархию западных ценностей, особенно систему американизма. Это воздействие является наиболее мощным, ибо ведет к трансформации общественных и индивидуальных интересов. За всеми этими радикальными изменениями стоит внутреннее изменение самого человека.

Приведем характерные черты этих изменений: утрата человеком контроля над социальными процессами, восприятие их как квазиприродных; неспособность человека и общества контролировать перемены, ситуация неопределенности; неспособность человека к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий. «Негативный неукорененный индивид, не имеющий связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей (аномии) и изоляции, конец общества труда, изменение структуры труда, новые профессии — легко узнаваемые черты российской жизни, выше описанные как западные» [6].

Но в России эти признаки ценностной деформации общества, присущие также западным обществам, имеют свою специфику. Потеря общественной практикой своей фундаментальной ориентированности на производство, перепроизводство специалистов с высшим образованием и в то же время нехватка трудовых ресурсов для заводов и строек, миграционные потоки — в России все это происходит без перехода в постиндустриальное общество, на базе деиндустриализации, натурализации хозяйства и коммерциализации деятельности. Экономоцентризм, превращение любой деятельности в бизнес, погоня за все новыми благами, доходами и видами удовольствий, распад семьи, одиночество людей, апатия масс и солипсизм творческих личностей, коммерциализация искусства и его отказ от формирования общественных связей, доверия и добродетелей также характерны для России постсовременной и постиндустриального Запада.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что аксиологические оценки российского общества и массового сознания, которые были даны Н. И. Лапиным, и аксиологические характеристики В. Г. Федотовой, а также В. Н. Поруса спустя десятилетие довольно значительно расходятся. Если Н. И. Лапин констатировал «факт определенной устойчивости отношения россиян к базовым ценностям» и оптимистично говорил о «модернизации базовых ценностей» и «социокультурной реформации», то В. Г. Федотова обнаруживает значительную деформацию ценностной системы российского общества, а В. Н. Порус говорит о «культурной катастрофе» [3]. Ценностные изменения массового сознания, произошедшие за весь период кризиса и реформации, являются настолько глубокими, что даже можно, вслед за В. Г. Федотовой, назвать их патологическими.

На вопрос о том, откуда такое сходство патологических ценностных изменений, произошедших в России, с ценностной деформацией мира Запада, В. Г. Федотова отвечает, что Россия «переняла пороки западной цивилизации еще до того, как усвоила ее достижения». Это произошло благодаря тому, что Россия в лице своих элит и СМИ *переняла многие внешние манеры и стили жизни, пытаясь следовать догоняющей модернизации*. Как показывает анализ Т. А. Рассединой, «на стадии бифуркации при скачкообразности социальных изменений, закономерной минимизации возможностей управленческого регулирования социокультурными процессами общественное сознание вышло на такой режим самореференции, при котором оказалось максимально открытым влияниям извне. В нем отрабатываются новые правила взаимодействия и ценностные образцы» [4]. Россия «пытается обрести за счет внутреннего хаоса новые программы жизни», вплоть до подражания целым внешним системам. Следует учесть также роль глобализации.

Если вышеописанные ценностные изменения определяют новые формы жизни и мироощущения россиян, то можно сказать, что Западу, прежде всего США, удается его попытка утвердить свое цивилизационное влияние на Россию, прежде всего ее молодое поколение, в соответствии с действующей в последнее время стратегией «мягкой мощи» («softpower»).

Проблема создания ценностного контрбаланса — это задача прежде всего аксиологов, а с их помощью — всего обществоведения и всей элиты россий-

ского общества. Ценностная стратегия «мягкой мощи» новой России, будучи обоснована на базе продуманного восстановления «ценностной валентности» (В. Брожик) русской духовной культуры и «оживления» российского патриотизма, должна утвердиться в *рефлексивной политике*. Субъектом последней должна стать цивилизованная элита, способная максимально мобилизовать ценностные, прежде всего моральные и культурные смыслы «идеи России», основываясь на лучших традициях русского национального самосознания. Традиционные культурные и духовные ресурсы способны стать одним из мощных факторов осуществления собственного пути модернизации, как показывает опыт некоторых других «развивающихся» стран, где удалось «встроить» традиционные ценностные комплексы, сложившиеся в условиях некапиталистического развития, в модернизационные процессы и контексты. Это ряд стран Юго-Восточной Азии, Китай и Япония.

Для того чтобы выстроить иерархию новых ценностей, необходимо признать прежде факт конфликта ценностей в «кризисном социуме» и подвергнуть этот конфликт анализу. Теоретические основания подобного анализа могут быть разными. Если проводить этот анализ с позиций теории модернизации, вдохновляемой либеральными ценностями гражданского общества, правового государства, либеральных свобод¹, то это дает знание общих закономерностей, универсальных, как полагают сторонники этой теории, характеристик и стадияльно-типологических черт общественного развития, проявляющихся в России. И с этой точки зрения наблюдающиеся ценностные изменения могут квалифицироваться даже как «нормальные» изменения, соответствующие модернизации как общей закономерности исторического развития России. Но модернизационный подход не может ответить на вопросы, связанные с уникальными чертами российского общества, с противоречивостью самих его оснований и их подвижностью. Поэтому для исследования российского общества нужна «некая новая версия теории модернизации», и в контексте этих новых модернизационных подходов она считает конфликт ценностей одной из важнейших движущих сил модернизации России.

Предлагаемый подход ценен, на наш взгляд, тем, что при осмыслении проблемы конфликта ценностей он опирается на ту отечественную философскую традицию, где эта проблема всегда считалась ключевой для общественного развития России. Отталкиваясь от этих идей, в нем предлагается в качестве социокультурной категории понятие «раскол», «схватывающее» отечественную специфику. Речь идет о *расколе* в русской культуре, масштаб которого таков, что даже дает основание говорить о наличии «двух России» (Г. П. Федотов, А. Белый), или «двух цивилизаций» в России (А. М. Панченко, Г. М. Прохоров, Б. А. Успенский, Н. С. Эйдельман, А. С. Ахиезер, Ю. С. Пивоваров). Известный представитель русского зарубежья Г. П. Федотов говорил о «глубокой трещине», которую в народном сознании провела

¹ Теория модернизации и соответствующий подход разрабатывался М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Р. Парком, Ф. Теннсом, Г. Беккером, М. Леви, Т. Парсонсом, У. Ростоу, Дж. Грегором, Р. Рэдфилдом, С. Эйзенштадтом, Д. Ношемейером, Г. Адмондом, А. Гершенкроном, Б. Муром и многими другими.

революция: та «трещина», которую «прорубил» Петр, писал он, в результате революции стала проходить иначе — не по классовым линиям, а сверху до низу рассекая народное тело. И эта трещина, как полагал он, «вероятно, не зарастет и в ряде поколений».

Качественный социально-философский и социокультурный анализ пост-современной динамики ценностей подтверждает идеи русских мыслителей о том, что Россия принадлежит к особому типу промежуточной цивилизации, опосредующей отношения Запада и Востока. Конфликт ценностей — архаичных и современных — выражает это промежуточное состояние российского общества, что свидетельствует о качественном своеобразии и самобытности социального целого России, о глубокой расщепленности сознания личности. «Расколотый» человек современного российского общества — это основная проблема модернизации России. К этому же выводу приходят исследователи в области социологии молодежи: в сознании постсоветской молодежи выявлено «причудливое, парадоксальное сочетание современных и традиционных поведенческих установок», и такого рода «расколотость» исследователи оценивают как ответ на противоречия российской действительности. Порой они говорят о «противоречивости», «нелепости», «парадоксальности» социально-этического портрета молодого поколения.

В обосновании стратегии «мягкой мощи» России играют принципиально важную роль как политики современной эпохи, так и нынешнее поколение интеллигенции. Будучи носителем универсальных внеклассовых и наднациональных ценностей, интеллигенция способна утвердить объединительную идею: «Россия — не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси», «Россия — это не нация, но целый мир» (Г. П. Федотов). В традиции отечественной философии осуществление «идеи России», которая суть «целый мир», мыслилось как создание «христианской семьи народов», а также как «расширение русского сознания в сознание российское (без ущерба для его «русскости»)». Создание «христианской семьи народов», как объясняли Вл. Соловьев и Н. Бердяев, отнюдь не означает всеобщую христианизацию, к тому же православное не тождественно русскому, хотя универсальные ценности православной культуры они считали базовыми для русского сознания.

В лучших традициях отечественной философии «расширение» русского сознания означает расширение духовное — утверждение универсальных все-ленских идей и ценностей. Обращение к духовным универсалиям, разработанным в контексте православной культуры лучшими русскими людьми, таким как идеи софийности и соборности, отнюдь не предполагает обращение человека в православие как официальную религию. Речь идет о том, что расширение русского сознания в сознание российское, осуществляемое как выход русского сознания на уровень духовных универсалий, содержащихся в православной культуре, вместе с тем естественным образом означает восхождение в этом духовном единстве универсальных моментов духовной культуры всех народов России. Такое духовное объединение народов России в «христианскую семью» не является религиозным объединением и не может осуществляться чисто религиозным путем. «Здесь верования не соединяют, а

разъединяют нас. Но духовным притяжением для народов была и останется русская культура».

С точки зрения формирующейся стратегии нового «расширения» русского сознания в сознание российское важен опыт аксиологического осмысления российского кризиса — и как «модернизации базовых ценностей», и как «конфликта ценностей», и как «культурной катастрофы». Те ценностные изменения российского общества, которые были зафиксированы исследователями в середине 90-х гг., на следующей фазе зашли настолько далеко, что известный российский философ В. Н. Порус называет фиксируемую социологами культурную деградацию «культурной катастрофой». Социологические данные свидетельствуют о трагедийном положении значительных слоев молодежи (рост преступности, алкоголизм, наркомания, массовая безработица, бессмысленность существования).

Несколько изменилось отношение власти к ценностным изменениям сознания россиян при Президенте В. В. Путине. Социологи РАГС проводят экспертный опрос о состоянии духовной культуры в России. Отрицательных оценок состояния культуры почти в пять раз больше, чем положительных оценок. Для того чтобы оценить подлинные масштабы духовной деградации, требуется качественный социокультурный и аксиологический анализ, ибо духовная культура — это не какая-то отдельная сфера культуры, а культура в ее сущности, обусловленной *универсалиями ценностной предметности*.

И именно ценностные универсалии («категорический императив» Канта) суть основания культуры, они определяют границы и критерии самоидентификации человека в его сущности. С этой точки зрения о состоянии духовной культуры нужно судить не столько по исчислимым параметрам, сколько по всем проявлениям духовности во всех сферах жизни общества и отдельных людей. И тогда становится очевидным, что в массовом обществе универсалии культуры заменены их *имитациями*. Таков губительный для человечества «проект» — *культура без универсалий*, сведенная к *приемлемым способам удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей*, к обоснованию и распространению которого причастны Р. Рорти и другие идеологи постмодернизма на Западе. Аксиология постмодернистского толка, служащая в России переходного периода «критике культурного разума» и обоснованию «новой морали, основанной на свободной энергии жажды жизни» (С. С. Неретина), особенно опасна. Она может стать главным препятствием на пути новой России: это не просто разрушение неких ценностей или отказ от них, а отказ от самого понятия культуры как того, что образуется духовными универсалиями. Мир ценностной предметности без духовных универсалий — это «отражение ада», «мир универсального недоверия, холода, немилосердия», здесь каждый видит в каждом только средство удовлетворения собственных потребностей, намерений, прихотей, но не цель, это культурная катастрофа и это, по мысли В. Н. Поруса, главный вызов нашего времени, возможно, наиболее радикальный за всю историю человечества.

Но российские духовные трансформации большинством людей в России не воспринимаются как катастрофа, они не понимают того, что распад оснований культуры, универсалий русского духа суть конечная причина социаль-

ных язв. Тезис о «культурной катастрофе» не может быть опровергнут статистикой наличия в России 200 электронных библиотек, 300 православных сайтов и иными статистическими данными, свидетельствующими о размерах культурного потребления населения.

Если общественным сознанием России будет осознана пустота, образовавшаяся в результате утраты традиционных ценностей России, то существует шанс на обретение Россией «мягкой мощи» и осуществление собственной цивилизационной стратегии посредника в противостоянии Запада и Востока. Этот шанс предполагает усвоение лучших достижений русского национального духа и духовных универсалий всех народов России, как и духовного опыта Востока и Запада. Это может быть цивилизация более высокого типа, чем те, что мы знаем, и более совершенный вариант глобализации, чем те, которые существовали. В этой логике универсального ценностного движения от «русского» (национального) сознания к российскому сознанию релятивистская теория наций (А. Г. Здравомыслов) может оказать существенную методологическую помощь в осознании необходимости и ценности взаимозависимого существования наций и национальных культур на универсальном уровне духовного взаимодействия. Как славянофильская, так и евразийская традиции самоопределения России способны послужить поиску российской стратегии глобализации, свободной как от некритического подражания Западу, так и от предвзятости по отношению к Востоку.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.
3. Порус В. Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. 2005. № 11.
4. Рассадина Т. А. Трансформации традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9.
5. Федотова В. Г. Модернизация, культура и социальный капитал // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Экономика. 2013. № 2(22).
6. Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 11.

«RUSSIAN CRISIS» IN THE CONTEXT OF POSTMODERN VALUE CHANGES IN THE WORLD AND THE AXIOLOGICAL BACKGROUND FOR WAY OUT

Evgeniya G. Urbanaeva

Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Work,
Irkutsk State Technical University
83 Lermontova St., Irkutsk 664074, Russia
E-mail: urbanaeva@mail.ru

The article deals with the axiological characteristics of Russian crisis, their similarity to value deformation of the Western world, the problem of creating a valuable counterbalance, the collapse of culture foundations and universals of Russian spirit as the ultimate cause of social ills. The scale of split in the Russian culture gives grounds for the presence of "two civilizations" in Russia. Russia assimilated the best achievements of national spirit and spiritual universals of all the peoples of the country, as well as the spiritual experience of the East and the West, free from both the uncritical imitation of the West, and the bias to the East. Transition from the national consciousness to the Russian consciousness is the prerequisite and basis for formation Russia's own globalization strategy.

Keywords: cultural disaster, universals of valuable objectivity, reflective policy, individualized society.

References

1. Bauman Z. *The Individualized Society*. Polity, 2000. 368 p.
2. Leont'ev D. A. Tsennost' kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoi rekonstruktsii [Value as an Interdisciplinary Concept: The Experience of Multi-Dimensional Reconstruction]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*. 1996. No. 4.
3. Porus V. N. Obzhit' katastrofu. Svoevremennye zametki o dukhovnoi kul'ture Rossii [To Inhabit the Disaster. Timely Articles about the Spiritual Culture in Russia]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*. 2005. No. 11.
4. Rassadina T. A. Transformatsii traditsionnykh tsennostei rossiyan v postperestroechnyi period [Transformation of Russians' Traditional Values in the Post-Perestroika Period]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*. 2006. No. 9.
5. Fedotova V. G. Modernizatsiya, kul'tura i sotsial'nyi kapital [Modernization, Culture and Social Capital]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Ekonomika — Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Ser. Economics*. 2013. No. 2 (22).
6. Fedotova V. G. Faktory tsennostnykh izmenenii na Zapade i v Rossii [Factors of Values Transformation in the West and in Russia]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*. Moscow, 2005. No. 11.